

HAL
open science

Внешняя и внутренняя структуры действия и типологические особенности русского вида

Tatiana Milliaressi

► **To cite this version:**

Tatiana Milliaressi. Внешняя и внутренняя структуры действия и типологические особенности русского вида. 5ème Conférence Internationale de la Commission Aspectologique du Comité International des Slavistes, Mitsuci Kitajo ; Commission Aspectologique du Comité International des Slavistes, Nov 2015, Kyoto, Japan. <hal-01297365>

HAL Id: hal-01297365

<https://hal.science/hal-01297365>

Submitted on 19 Jan 2017

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ВИДА

The internal structuring, which consists of three stages (process, natural term, state), is relative to the ontology of eventualities. By contrast, the external boundaries (starting point and end point) are relative to the duration of the eventuality. These two types of structuring, internal and external, are articulated differently in Slavic languages and in Germanic and Romance languages.

I. Введение.

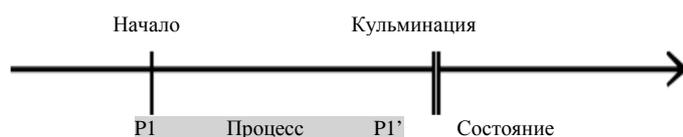
Внешняя и внутренняя структуры действия – это понятия, лежащие в основе семантики вида, таксиса и времени. Они по-разному выражаются в языках различных типов и определяют по сути типологический подход к изучению вида вообще. Внутренняя структура действия, т.е. понимание особенностей внутреннего протекания действия и достижения естественного предела этого действия, является основополагающей для славянских языков. Внешняя структура действия, т.е. ограничение его протекания во времени началом и концом, является основополагающей для романских и германских языков.

В славянских языках и, в частности, в русском языке грамматически выражается внутренняя структура действия (процесс, качественная кульминация и состояние), в то время как внешняя структура действия (начало и конец) выражается лексическими средствами. В романских же и германских языках, например, во французском и в английском языках, грамматически выражена внешняя структура действия и лексически – его внутренняя структура (Milliaressi 2015a).

Смешение внешней и внутренней структур приводит к смешению видовых и таксисных характеристик, определяющих темпоральный тип языка. Поэтому целью данной статьи является определение типологических особенностей русского вида, а, значит, и последовательное разграничение грамматических категорий вида и таксиса вообще.

II. Определения вида.

На понятийном уровне **внутренняя структура** протекания действия отражает постоянное движение материи, т.е. переход количественных изменений в качественные. Она может быть представлена как последовательность следующих фаз: (а) процесс, (б) достижение естественного предела этого процесса, т.е. кульминации развития, и, наконец, (в) наступление нового качества, т.е. состояния.

Внутренняя структура действия – это онтологическая характеристика, не связанная с конкретной языковой реализацией. Она соотносится с акциональными классами, выделяемыми на референтном уровне, как общее с частным, что и объясняет многообразие существующих классификаций. Классификация Вендлера (Vendler 1957/1967), например, как и классификация Мурелатоса (Mourelatos 1978), применима не только к английскому языку, хотя и отражает определенную концептуализацию действий, свойственную именно германским языкам, а именно: особое место в ней отводится состояниям. Что же касается романских языков (см. Garey 1957, Veters 1996), для них важно противопоставление нерезультативных ситуаций результативным. В славянских языках особое положение занимают процессы, лежащие в основе противопоставления динамических ситуаций статическим. И хотя состояния в природе не существует, т.к. время – свойство постоянного развития пространства, существующие языки отражают представление говорящих о стабильности, которое мыслится как новое качество, наступающее после перехода количественных изменений в качественные.

На референтном уровне действие может концептуализироваться по-разному, в зависимости от набора фаз, которые избираются при образовании понятия и его языковой реализации. В славянских, романских и германских языках концептуализируется обычно одна или две смежные фазы действия:

- 1) процесс (непредельные глаголы типа *работать, work, travailler*);
- 2) процесс+кульминация (предельные глаголы типа *читать/прочитать* книгу, *read a book, lire un livre*);
- 3) кульминация (моментальные глаголы типа *заметить, notice, remarquer*);
- 4) кульминация+состояние (ингрессивные глаголы типа *влюбиться, s'éprendre*);
- 5) состояние (*знать, know, savoir*).

Набор фаз может отличаться для выражения подобных действий в различных языках. Например, в русском языке действие «приходить» представлено типом 3, в то время как во французском языке – типом 2.

На семантическом уровне внутреннее членение действия выражено оппозицией «предельность / непредельность». Отметим, что *предельность* рассматривается здесь как семантическая характеристика в отличие от *естественного предела*, являющегося единицей понятийного уровня.

Внешняя структура действия не связана с его качественными изменениями, она выражает количественное ограничение действия во времени относительно двух точек на временной оси: начала и/или конца действия. Однако в природе не существует ни начала, ни конца, а только постоянное движение и изменение пространства. Поэтому начало, середина и конец – внешние характеристики, не связанные с естественным развитием действия. В романских и германских языках временные формы глагола выражают ограничение во времени действий (например: *simple past, present past* в английском языке; *passé simple, passé composé* во французском) или отсутствие этого ограничения (например, *progressive past* в английском; *imparfait* во французском). Далее грамматические времена первого типа я буду называть *делIMITАТИВНЫМИ*, а грамматические времена второго типа – *неделIMITАТИВНЫМИ*. ДелIMITАТИВНЫЕ и неделIMITАТИВНЫЕ времена отражают внешнюю структуру действия, которая может быть представлена следующим образом:

1) начало+процесс+конец: 1а) временные делIMITАТИВНЫЕ формы глагола в романских и германских языках, например: *He has worked in London / Il a travaillé à Londres* ('он работал (когда-то) в Лондоне'); 2б) делIMITАТИВНЫЕ глаголы в русском языке типа *поговорить*.

2) начало+процесс: 2а) делIMITАТИВНЫЕ временные формы глагола в романских и германских языках в инхOАТИВНОМ контексте типа *Suddenly he spoke / Tout à coup, il parla* ('вдруг он заговорил'); 2б) инхOАТИВНЫЕ глаголы в русском языке типа *заговорить*¹³⁹.

На семантическом уровне внешняя структура действия выражается оппозицией «лимитативность / нелимитативность». Она представлена оппозициями временных форм глагола в романских и германских языках, например: *progressive/simple past* в английском языке, *imparfait / passé composé* во французском (*I was reading when the phone rang / Je lisais lorsque le téléphone a sonné* 'я читал, когда раздался телефонный звонок').

Семантические оппозиции «предельность / непредельность» и «лимитативность / нелимитативность» являются первичными признаками внутренней и внешней структур действия, которые лежат в основе общеизвестных **определений вида** в славянской и неславянской аспектологии. Вот лишь некоторые из них:

- **внутренняя структура действия** («предельность / непредельность»)

«[...] вид имеет дело не с дейктической темпоральной локализацией обозначаемого "действия", а с его внутренней темпоральной структурой как она понимается говорящим. Вид отражает "оценку" говорящим временной структуры самого действия.» [Маслов 1984/2004: 23-24]

«Aspects are different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation.» [Comrie

¹³⁹ Ингрессивные глаголы выражают кульминацию+состояние, в то время как инхOАТИВНЫЕ – начало+процесс.

1976: 3]

• **внешняя структура действия** («лимитативность / нелимитативность»)

«[...] *вид* (недействительное определение *длительности* и *границ* действия) [...]» [Laurendeau 1995] (курсив автора; перевод мой – Т.М.)

«[...] в различных языках [...] основой видовой оппозиции является противопоставление по делимитативности [...]» [Cohen 1989 : 63] (перевод мой – Т.М.)

«Aspect is the semantic domain of temporal point of view in language.» [Smith 2009 : 24]

Обе структуры, внешняя и внутренняя, могут накладываться друг на друга. Так, например, естественный предел (кульминация) совпадает с окончанием действия во времени. Однако окончание действия во времени не обязательно совпадает с его внутренним пределом, так как внутреннее время и внешнее время «на понятийном уровне не имеют друг с другом ничего общего» [Кароляк 1998: 170]. Внутренняя структура непосредственно связана с видовой семантикой, в то время как внешнее ограничение действия во времени связано с представлением о времени, лежащим в основе таксиса. Время и таксис соотносятся между собой, как представление о динамическом и о статическом времени [Lyons 1977], или как перцептивное и эпистемическое видение времени [Vogeleer 1994]. При перцептивном восприятии время представляется динамическим, т.к. говорящий видит ситуацию изнутри, эмоционально, посредством чувств в момент ее развития, не видя при этом ни начала, ни конца. При эпистемическом восприятии время представляется статическим, т.к. говорящий воспринимает ситуацию посредством разума, находясь как бы за пределами рассматриваемой ситуации, что позволяет ему видеть начало и конец действия и, таким образом, ограничить действие во времени. Ограничение действия во времени, основанное на первичной оппозиции «лимитативность / нелимитативность», лежит в основе таксисных отношений, хотя и рассматривается многими лингвистами с точки зрения видовой семантики [см., например: Cohen 1989 ; Smith 1991/1997 ; Черткова 2001].

Фундаментальное отличие между грамматикализацией внутренней структуры действия (вида) в славянских языках и внешнего временного ограничения действия (таксиса) в романских и германских языках является следствием двух различных типов грамматических систем: славянские языки выражают таксисные отношения при помощи контекста и видовых форм глагола (1а, 1б), а романские и германские языки выражают видовые отношения, например, результативность, при помощи контекста и делимитативных таксисных форм глагола (2):

(1а) *Когда я приготовила обед, пришел Николай.* (следование действий)

(1б) *Когда я готовила обед, пришел Николай.* (одновременность действий)

(2) *Today I read a letter from an old friend.* (результативность ‘письмо прочитано’)

В примере (1а) действие ‘приготовить обед’ интерпретируется как законченное во времени, благодаря его результативности (обед приготовлен, значит проготовление обеда закончено). В примере (2) действие ‘читать’ интерпретируется как результативное (‘письмо прочитано’), т. к. делимитативное время *simple past* выражает, что действие закончено во времени, а письма обычно читают за один раз. Если заменить письмо на книгу, то действие не обязательно будет интерпретироваться однозначно как достигшее своего предела.

III. Оценка внутреннего протекания действия.

Предельность – основная семантическая характеристика славянского вида, часто рассматриваемая как первичная и неотъемлемая особенность совершенного вида. Предельность, выражаемая совершенным видом, представляет собой оценку говорящим достижения естественного предела действия. Однако, как известно, СВ может обозначать и неопредельные способы действия:

- делимитативные (*поспать*) и пердуративные глаголы (*проспать* некоторое время);
- эволютивные глаголы (*понизиться, увеличиться*);
- инхоативные глаголы (*закричать*).

Рассмотрим глаголы первой группы.¹⁴⁰ Это глаголы СВ (3а, 3б, 3в), допускающие обстоятельство длительности (*два часа*), что сближает их с глаголами НСВ (3г) и отличает от всех других глаголов СВ, не допускающих обстоятельств длительности (3д):

(3а) *Я поспал два часа.*

(3б) *Я проспал два часа.*

(3в) *Я соснул два часа.*

(3г) *Я спал два часа.*

(3д) **Я заснул два часа.*

В примере (3а) длительность действия *два часа* воспринимается говорящим недолговременной и незначительной; в примере (3б) продолжительной и значительной, а в примере (3в) быстротечной. Другими словами, СВ (3а, 3б, 3в) обозначает оценку говорящим субъективной длительности протекания действия в отличие от НСВ (3г), который представляет действие нейтрально. При этом НСВ обозначает не ограничение действия во времени, а процессуальность; длительность действия ограничена во времени обстоятельством времени *два часа*. В отличие от НСВ, СВ может обозначать ограничение длительности действия во времени, но это значение является производным от основного видового значения оценки протекания действия говорящим. Это обусловлено тем, что, чтобы дать оценку действия вообще, его нужно сначала количественно определить, измерить, т.е. действие должно быть измеряемо.¹⁴¹

Ограничение во времени длительности действия является необходимым условием для оценки его протекания говорящим. Например, действие может восприниматься долгим, если оно трудоемко и неприятно, или, наоборот, если оно приятно, коротким или непродолжительным, но достаточным. В связи с этим представляется важным отличать видовое значение, т.е. оценку действия, обозначаемую совершенным видом вообще, от конкретного значения приставки (например, приставки *по-*, обозначающей, что длительность воспринимается говорящим короткой, но достаточной) (см. более подробно Milliaressi 2015b, § 2.3.3), а также от таксисного нейтрального значения приставки *по-*, о котором будет сказано ниже (см. § IV).

Таким образом, ограничение длительности во времени при помощи СВ в русском языке не имеет самостоятельного статуса, а непосредственно подчинено виду. Эта зависимость косвенно подтверждается тем, что делимитативные времена в романских и германских языках нейтральны и не выражают оценки протекания действия говорящим.

IV. Ограничение длительности действия.

Первичная семантическая оппозиция «лимитативность / нелимитативность» является основополагающей для таксисного выражения порядка следования действий в высказывании (предшествование, следование, одновременность). Чтобы действия могли следовать друг за другом, длительность должна быть ограничена во времени (*Вчера вечером я вернулся из университета, поработал над статьей и сел смотреть телевизор.*). При таксисном значении ограничения непределельных действий во времени у СВ (*поработал*) в русском языке отсутствует собственно видовое значение оценки протекания действия. Поэтому представляется важным выделение двух значений приставки *по-* у делимитативов:

а) видовое значение оценки протекания нерезультативного действия;

б) таксисное значение ограничения длительности действия (с нейтральным значением без оценки).

Именно таксисную функцию без оценки протекания действия (б) в романских и германских языках выполняют времена со значением ограничения длительности действия (например, *passé composé* во французском языке: *Hier soir, je suis rentré de la fac, j'ai travaillé mon article et j'ai regardé un film très intéressant à la télé.* 'Вчера вечером я вернулся из университета, поработал над статьей и посмотрел очень интересный фильм по телевизору.')

¹⁴⁰ Размеры данной статьи не позволяют мне рассмотреть инхотативные и эволютивные глаголы (см. Milliaressi 2015b, §§ 2.3.2, 2.3.4.)

¹⁴¹ Это сближает глаголы, обозначающие количественно измеряемые действия, с исчисляемыми существительными (см. Мелиг 1997).

Оппозиция «лимитативность / нелимитативность» лежит в основе сложной временной многоступенчатой системы в романских и германских языках, в которых выражение времени непосредственно объединено с выражением порядка следования действий в высказывании. В славянских же языках выражение времени связано синкретическим образом с выражением оппозиции «предельность / непредельность», т.е. вид объединен с временем.

Смещение двух структур (внешней и внутренней) объясняется тем, что внешняя сегментация действия (начало, середина, конец), точно так же как и внутренняя структура действия (процесс, качественная кульминация, состояние), связаны с точкой зрения говорящего на действие. Именно по этой причине неславянские аспектологи [например, Cohen 1989, Veters 1997, Vet 2001] отождествляют неделимитативные времена с НСВ. На самом деле неделимитативные времена отличаются от НСВ, т.к. они не только не фокусируют границы действия, но и соотносятся с длительностью, а не с процессностью. Именно поэтому грамматические времена в романских и германских языках выражают таксисные отношения, а не видовые, т.к. их основным значением является ограничение (делимитативность) или неограничение (неделимитативность) во времени длительности действия. В славянских же языках вид выявляет фазовую внутреннюю структуру действия, и при этом таксисные отношения являются производными от видовой семантики.

Так, например, французское неделимитативное прошедшее время *imparfait* выражает длительность, границы которой не фокусируются в высказывании. Русский НСВ тоже может быть интерпретирован, как протяженное, не ограниченное ни началом, ни концом действие. Однако значения *imparfait* и НСВ различны по сути своей: *imparfait* выражает длительность, а НСВ – процессность. Поэтому употребление НСВ не зависит от обстоятельств времени со значением ограничения длительности типа «в течение двух часов», «несколько минут» и т. д. (4а), а в романских и германских языках, наоборот, употребление неделимитативных времен не допускается при употреблении обстоятельств времени, ограничивающих длительность действия. Так, например, в контексте одноразового действия употребление неделимитативного времени (*progressive past* в английском, *imparfait* во французском) невозможно, поэтому используется делимитативное время, например, *simple past* в английском (4б) и *passé composé* во французском (4в):

(4а) *Сегодня я бежал полчаса.*

(4б) *Today I ran for half an hour.*

(4в) *Aujourd'hui, j'ai couru pendant une demi-heure.*

Русский НСВ (4а) допускает обстоятельства ограничения длительности (*два часа, три недели* и т. д.), т.к. он обозначает не длительность действия, а его процессность. Это основополагающее значение НСВ было отмечено еще Масловым [1984/2004: 100]: «[...] процессное значение должно быть поставлено во главе всех остальных как наиболее специфическое: *только в этом значении несовершенный вид абсолютно незаменим совершенным*»¹⁴².

Здесь следует отметить, что и процессность, и стативность характеризуют действия вообще, а не грамматическую категорию вида. Отождествление этих понятий с видом представляется ошибочным¹⁴³, поскольку процессность и стативность относятся к понятийному уровню. Именно поэтому состояния, процессы и события не являются видовыми характеристиками, а референтными классами действий, лежащими в основе не только семантики вида, но и семантики времени и таксиса. Так, например, представление о разворачивающемся процессе характерно не только для НСВ (семантика вида), но и для настоящего времени (семантика времени), а также для обозначения одновременности действий (семантика таксиса). Процессное значение – основное, но не единственное значение русского НСВ, т.к. НСВ выражает не только процессы с количественным изменением и без него, но и состояния.

Что же касается вышеупомянутого французского неделимитативного времени *imparfait*, то оно применяется к тем же классам действий, что и русский НСВ (процессам и состояниям), обозначая при этом неограниченное во времени действие и одновременность одного действия другому. Встает вопрос: если функция неделимитативного прошедшего времени схожа с функцией НСВ

¹⁴² Курсив автора.

¹⁴³ Так, например, Декле (Desclés 2000: 7) считает, что «[p]азвертывающийся процесс – это несовершенный вид предикатных соотношений, рассматриваемых в их развитии.» (Перевод мой – Т.М.)

прошедшего времени, то в чем же их различия? Неделимитативное время *imparfait* не может употребляться с обстоятельством ограничения длительности, т.к. основное значение *imparfait* не процессное, а статическое. На понятийном уровне состояние представляется бесконечным, т.е. количество действия не ограничено во времени, оно не может иметь ни начала, ни конца. Другими словами, неделимитативность прототипически связана со стативностью. Именно это прототипическое значение *imparfait* обуславливает и многие другие его нестандартные употребления. Это касается, например, употребления *imparfait* с глаголами, выражающими достижение естественного предела (5а) в нарративном контексте. Отметим, что в русском языке в этом контексте употребление НСВ невозможно (5б).

(5а) *Comme elle avait été à l'Opéra, une nuit d'hiver, elle rentra toute frissonnante de froid. Le lendemain, elle toussait. Huit jours plus tard, elle mourait d'une fluxion de poitrine.* (Maupassant, *Contes et nouvelles*, exemple de Berthonneau 2000)

(5б) *Как-то зимой, возвращаясь из Оперы, она сильно продрогла. На другой день у неё начался кашель. Через неделю она умерла от воспаления лёгких.* (Перевод Е. Брук, Французская новелла XIX века, Мн.: Изд-во «Университетское», 1984)

В русском переводе НСВ невозможен, хотя во французском источнике используется неделимитативное время *imparfait*. Это происходит потому, что *imparfait* обозначает состояние ('иметь кашель', 'быть мертвым'), наступающее после качественного всплеска ('стать кашлять'), либо после достижения естественного предела предшествующего состоянию процесса ('умирать'). Это употребление *imparfait* не соотносится с русским НСВ, т.к. русский НСВ обозначает в первую очередь не состояние, а процесс, характеризующийся обязательным отсутствием начального качественного изменения. Точно также в примере (6а) употребление СВ невозможно в русском языке, но возможно употребление *imparfait* во французском (6б):

(6а) *В восемь часов Николай ушел. А через пять минут пришел (*приходил) Иван.*

(6б) *À huit heures Nicolas est parti. Cinq minutes plus tard, Jean arrivait.*

В русском языке употребление НСВ в подобном контексте возможно только с нерезультативными глаголами, не обозначающими качественное изменение. Поэтому для НСВ оказывается обязательным наличие «интервала», «скачка», пропуск целостного действия, непосредственно предшествующего процессу, или пропуск эксплицитного обозначения начала процесса» [Козинцева 2003: 285] (8) или ингрессивного начала состояния (7, 9):

(7) *Корнев поехал назад на вокзал за вещами и часа через два уже сидел в своем новом жилище.* (Н. Гарин-Михайловский, см. Козинцева 2003 : 285)

(8) *Как-то зимой она сильно простыла. На другой день она кашляла, а через неделю была тяжело больна.*

(9) *В восемь часов Николай ушел. А через пять минут Иван был уже дома.*

В этом случае естественный предел обозначаемого глаголом действия служит ограничением его длительности. Отметим, что и в русском и во французском языках дистантное следование действий (НСВ или неделимитативные формы прошедшего времени) возможно, благодаря обстоятельствам времени со значением интервала («скачка») (*на следующий день, через неделю* и т. д.).

V. Выводы.

Оценка протекания действия характеризует его внутреннюю структуру. Выражение порядка следования действий основано на представлении в высказывании его внешней структуры. Различная семантизация единых общих концептуальных признаков, а, следовательно, и распределение грамматикализации и лексикализации определяют специфику вида и таксиса в каждом отдельном языке. Можно сказать, что различная концептуализация действия непосредственно связана с многообразием существующих языков. Так, основополагающим значением для категории вида в русском языке является значение оценки говорящим протекания или предельности действия. Для категории же таксиса в романских и германских языках основополагающим является значение временной лимитативности, т. е. ограничение периода длительности действия по отношению к другим действиям одной последовательности. В славянских языках видовая система лежит в основе выражения таксисных отношений. В романских и германских языках таксисная система имплицитно выражает видовых отношений.

Определение грамматикализации внешней и внутренней структуры действия, позволяет четко разграничить понятия, которые часто ошибочно смешиваются: статическое время (таксис), динамическое время (собственно время, определяемое относительно момента речи) и вид (восприятие протекания действия).

Литература

- Кароляк 1998 – С. Кароляк. К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 167-182.
- Козинцева 2003 – Н.А. Козинцева. Аспектуально-таксисные ситуации (локализованные во времени) в полипредикатных конструкциях сочинительного типа // А.В. Бондарко & др. (ред.). Теория функциональной грамматики. М.: УРСС, 2003. С. 280-288.
- Маслов 1984/2004 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 1984/2004. С. 18-302.
- Черткова 2001 – М.Ю. Черткова. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии // М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Издательство МГУ, 2001. Т. 1. С. 191-209.
- Мелиг 1997 – Х. Р. Мелиг. Некоторые аналогии между морфологией существительных и морфологией глагольного вида в русском языке // М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспекто-логического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: издательство МГУ, 1997. Т. 3. С. 83-102.
- Berthonneau 2000 – А.-М. Berthonneau. L'imparfait de narration dans tous ses états // L'Imparfait : philologie électronique et assistance à l'interprétation des textes. Reims : Presses Universitaires de Reims, 2000. P. 73-109.
- Cohen 1989 – D. Cohen. L'aspect verbal. Paris : Presses Universitaires de France, 1989.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Desclés 2000 – J.-P. Desclés. Imparfait narratif et imparfait de nouvel état en français // Colloque de Cracovie, septembre 2000. P. 1-27. <http://lalic.paris-sorbonne.fr/PUBLICATIONS/descles/ImparfaitCracovie.pdf>
- Garey 1957 – H. B. Garey. Verbal aspect in French // Languages. 1957. N° 33. P. 91-110.
- Laurendeau 1995 – P. Laurendeau. Exploitations du cadre de la théorie des repérages énonciatifs en linguistique descriptive : le cas du tiroir de l'imparfait // J. Bouscaren, J.-J. Franckel, S. Robert (éds). Langues et langage. Problèmes et raisonnement en linguistique. Paris : Presses Universitaires de France, 1995. P. 331-343.
- Lyons 1977 – J. Lyons. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Milliaressi 2015a – T. Milliaressi. La structuration interne du procès et la morphologie aspectuelle // Lexique. 2015. N° 22. P. 25-54.
- Milliaressi 2015b – T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Vendler 1957/1967 – Z. Vendler. Verbs and Times // Linguistics and philosophy. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1957/1967. P. 97-121.
- Vetters 1996 – C. Vetters. Temps, aspect et narration. Amsterdam – Atlanta : Editions Rodopi B.V., 1996.
- Vogeleer 1994 – S. Vogeleer. Le point de vue et les valeurs des temps verbaux // Travaux de linguistique : La Coherence textuelle, Cohésion et rupture. 1994. N° 29. P. 39-58.
- Mourelatos 1978 : – A. P. D. Mourelatos. Events, processes and states // Linguistics and philosophy. 1978. N° 2. P. 415-436.
- Smith 1991/1997 – C. S. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991/1997.
- Smith 2009 – C. S. Smith. Text, Time, and Context (Selected Papers) // R. P. Meier, H. Aristar-Dry, E. Destruel (eds). Studies in linguistics and philosophy. London, New York: Springer, 2009. Vol. 87.
- Vet 2001 – C. Vet. Le rôle du lexique dans les règles d'interprétation discursive // Cahiers de Grammaire. 2001. N° 26. P. 229-241.